

Нелинейность истории: глазами гуманитария

(тезисы к докладу)

1. В своем докладе (который имеет исключительно черновой, рабочий характер) я хочу обсудить те познавательные метафоры о нелинейности истории, турбулентности объективных процессов, «вихревой логике» историко-научного развития, которым мы обязаны Ю.М. Батурину. Попытаюсь перевести эти не столь привычные пока для нас представления на язык сообщества гуманитариев. Почему, спрашивается, приведенные метафоры (напомним, однако, что в физике и других естественных науках это строгие и точные понятия) столь необходимы гуманитариям, как они могут принципиально поменять восприятие изучаемых социально-исторических процессов?
2. Прекрасный физик и очень талантливый популяризатор науки Юлий Данилов вдохновенно писал: «Среди множества почетных титулов, которые принес нашему веку прогресс науки, “век нелинейности” – один из наименее звучных, но наиболее значимых и заслуженных. Нелинейность всепроникающа и вездесуща, многолика и неисчерпаемо многообразна. Она повсюду: в большом и малом, в явлениях быстротечных и длящихся эпохи. Нелинейность – это рождение и аннигиляция элементарных частиц, гигантское красное пятно на Юпитере и оглушительный хлопок пастушьего кнута, биение сердца и всепроникающий луч лазера, теплый свет свечи и нескончаемая изменчивость волн, болезни и исцеление, вызов искусству аналитика и мастерству экспериментатора, надежды и бессилие создателей теорий и тех, кто подвергнет их замыслы суровой экспериментальной проверке»¹. Речь идет о современной научной картине мира, в которой категории нелинейного видения мира выдвинулась на первый план. Я думаю, что требование когерентности научного знания просто требует соотнесения гуманитарных категорий именно с такой картиной. Возможно ли это? – ключевой методологический вопрос.
3. Как мне представляется, именно такой взгляд, такое ощущение социально-исторического мира необходимо сегодня тем, кто реконструирует многофакторные процессы, предъявляющие картину развития научно-технического развития, какой бы «кусочек» этой мозаики ни выделял конкретный исследователь. И это мой основной тезис, который будет подкрепляться рядом более конкретных иллюстраций.

¹ Данилов Ю.М. Прекрасный мир науки. Сборник / Сост. А.Г. Шадтина. Под общей ред. В.И. Санюка, Д.И. Трубецкого. М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 159-160.

4. Непросто подходили к подобному видению и разработке соответствующей методологии в гуманитарных науках. Многие апробированные и, казалось, не подлежащие пересмотру способы работы историка (включая и историка науки) должны были бы показать свою несостоятельность. В какой мере можно говорить о внутренней логике (закономерности) изучаемых процессов? Изображая их в виде линейной хронологической последовательности, мы уже совершаем неправомерную подмену, потому что сама временная последовательность (*post hoc*) как бы диктует необходимость поиска причинной зависимости (*propter hoc*), и к тому же, поскольку речь идет о действии существ, обладающих сознанием и волей, придает этой последовательности вид целесообразности.
5. На это обстоятельство проницательно указывал В.О. Ключевский: «сводя исторические явления к причинам и следствиям, придаем исторической жизни вид отчетливого, разумно-сознательного планомерного процесса, забывая, что в ней участвуют две силы, которым чужды эти логические определения – общество и внешняя природа»². Именно в таком контексте, поясняя свою мысль, Ключевский прибегает к аналогии с волной, которая заставляет некую «щепку» взлетать и падать, но что вовсе причинно не связано с материалом и устройством самой «щепки».
6. История всегда *случается*, и это – *неустранимый момент* во всех попытках выстроить последовательность и логику изучаемого процесса. Произошло так, как произошло, но *могло быть* иначе (попытки построить задним числом так называемую альтернативную историю всегда были и будут, в этом есть большой смысл). Итак, – что же *случилось*? – вопрос историка. Как *случившееся в истории* определить категориально? Это не просто вероятность, не просто реализация (актуализация) потенциально возможного, превращение возможного в действительное, но, выражаясь языком современной социальной философии, – *контингентность* (такое понятие ввели в современный научный обиход Толкотт Парсонс (1902–1978)³ и Никлас Луман (1927–1998)⁴). Контингентность – это не зависящий от волевых усилий, неотменяемый и неумолимый процесс постоянного порождения новых социальных практик, несмотря на строжайшее соблюдение любых норм, установок, принципов, консервативность социальных институтов и теоретических парадигм. Несомненно, именно контингентность

² Ключевский В.О. Дневник. 1903 г., 25 февраля. – В кн.: Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века. Ключевский В.О. Избранное. – М.: РОССПЭН, 2010, с.635.

³ Парсонс Т. О структуре социального действия. Пер. с англ. /под ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Белановского. М.: Академический проект, 2000. – 880 с.

⁴ Луман Н. Общество как социальная система. Пер. с нем./ А. Антоновский. М.: Издательство "Логос", 2004. – 232 с.

характеризует непрерывную новационность и человеческой мысли, и эволюцию социальных институтов, и постоянное вторжение новых объектов, которые необходимо освоить как теоретически, так и практически. А реконструкция контингентного изменения отнюдь не сводится к установлению каких бы то ни было однозначных причинно-следственных связей или рационально осуществляемому человеческому выбору.

7. Начиная с 1980-х годов, основной проблематикой философии науки стала разработка представлений о решающей роли социокультурного контекста в развитии науки. Тематика, казалось бы, не новая, но обратим внимание на понятийные инновации и трансформации: противопоставление «внутренней» и «внешней» логики развития научных идей тихо кануло в Лету. Демонстрируется не просто роль семейного воспитания, надежного образования, покровителей, организаций или учреждений, создающих благоприятные условия для систематической работы ученого, но именно – совокупность социокультурных обстоятельств, в которых разворачиваются теоретические идеи, идет научный поиск во всем богатстве его многообразия и непредсказуемости. И здесь огромную роль играют не только люди (акторы), но и «вещи» (актанты), которые равно, как и акторы, определяют успехи или неудачи научных экспериментов и прикладных разработок⁵.
8. В силу вышесказанного обращаюсь вновь к картине Утагава Хиросигэ «Водоворот Наруто в Аво» (ее уже демонстрировал Юрий Михайлович). Мы можем здесь усмотреть визуально переданную, впечатляющую и при этом довольно точную метафору историко-научного процесса, который в данный момент пытаемся воссоздать коллективными усилиями. И я передам свое видение (интерпретацию) этой картины для изображения историко-научных процессов и ситуаций.
9. Использую для иллюстрации также картину Кацусика Хакусай «Большая вода в Канагаве» (ее показывал в своем докладе А.Г. Ваганов), ибо она визуально выявляет некоторые трагические обстоятельства «вихревой логики» развития науки.

⁵ См., например: *Латур Б.* Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества / пер. с англ. К. Федоровой под ред. С. Миляева. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. – 414 с.